

021-222.11

С 309

4

СЕМЬ

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
МАНАТ

ПОЭТОВ

ВОСТОКА

РУДАКИ

ФИРДОУСИ

ОМАР ХАЙЯМ

СААДИ

РУМИ

ХАФИЗ

ДЖАМИ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АБАЙ КЛУБЫ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ АБАЯ
ABAI INTERNATIONAL CLUB

**Редакционный Совет Библиотеки
журнала «AMANAT»**

Роллан Сейсенбаев

(Казахстан) —

Главный редактор — Председатель Совета

Абиш Кекильбаев

(Казахстан)

Алтынбек Сарсенбаев

(Казахстан)

Анатолий Ким

(Россия)

Аятолла Хьюбш

(Германия)

Валентин Распутин

(Россия)

Имангали Тасмагамбетов

(Казахстан)

Клара Серикбаева

(Казахстан)

Кэндзабуро Оэ

(Япония)

Леон Робель

(Франция)

Мырзатай Жолдасбеков

(Казахстан)

Мурат Ауэзов

(Казахстан)

Мухтар Кул-Мухаммет

(Казахстан)

Олжас Сулейменов

(Казахстан)

Пентти Холоппа

(Финляндия)

Чингиз Айтматов

(Киргизия)

**10-летию Республики
Казахстан посвящается**

СЕМЬ
ПОЭТОВ
ВОСТОКА

821-221-1
309
14

ШЫҒЫСТЫҢ ЖЕТІ АҚЫНЫ

• Халықаралық Абай клубы •

Семей • 2007

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «АМАНАТ»

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

ББК 84(5)-5
С30

Поэзия IX-XVI веков

Выпускается по программе Комитета информации и архивов Министерства культуры, информации Республики Казахстан

Рекомендовано Министерством образования Республики Казахстан в качестве учебного пособия для дополнительного образования

Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

Дизайн: Газиз Бегалиев
Верстка: Жансая Мусабекова

© Семь поэтов Востока

© 2007 г. 184 стр.

С 4703020200

00(05)-07 КАВАҚОТАН
РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ КІТАПХАНАСЫ
№ 507895

ISBN 9965-611-75-0

КНИГА — САМЫЙ ТЕРПЕЛИВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Перед человечеством сегодня стоят три глобальные задачи: это — защита м и р а, защита д у х о в н о с т и и защита п р и р о д ы . Все они — главные условия нашего дальнейшего существования. Каждая из них неполна одна без другой. От этих трех начал зависит обеспечение грядущего не только Казахстана, но и всего мира.

Гамлетовский вопрос «быть или не быть» относительно к завтрашнему человечеству будет стоять перед нами вечно, если мы не прислушаемся к голосу благоразумия.

Техническое развитие в мире шагнуло далеко вперед, благодаря чему человек стал расточителен в использовании природных ресурсов, созидательная энергия человека растрачивается попусту, и он утрачивает способность содержать богатейший океан культуры и мысли, накопленный предыдущими поколениями.

К сожалению, мы далеко не в полной мере осознаем это. Интеллектуальный и идеологический вакуум уводит людей в сторону от восприятия реальности, низвергает его в пучину разложения — морального, нравственного, духовного.

Третье тысячелетие требует от нас утверждения гармонии в нашем общем доме — ЗЕМЛЯ.

Книга — в своем первоначальном, высоком и единственном, священном и одухотворенном, значении — является всемогущим оружием человека в защите культуры и духовности.

Книга несет человечеству знания и просвещение.

Книга хранит в себе тайны бытия рода человеческого.

Книга — плод человеческой мысли, наделенный дыханием времени и пространства.

Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может на-

учить, как двигаться вперед, как избежать катаклизмов и как взбираться на вершины человечности. Книга — самый терпеливый учитель. И только книга может научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь. Для человека мыслящего нет ничего дороже книги!

200-томная Библиотека журнала «АМАНАТ» Международного клуба Абая посвящена 10-летию независимого Казахстана.

Мы оставляем будущему своей страны — молодежи — единственное и наиболее полное завещание — Книгу.

Поддерживаю благородный поступок Клуба Абая. Я искренне рад начинанию видного писателя Роллана Сейсенбаева в создании журнала «АМАНАТ» и 200-томной Библиотеки журнала.

Уверен, что истинные патриоты страны поддержат и помогут его стремлениям служить культуре и духовности Отчизны.

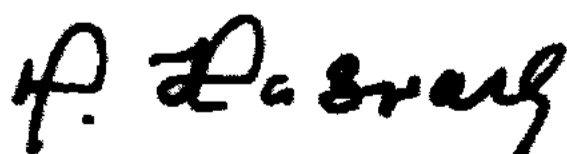
Желаю новому изданию внимательного и благодарного читателя.

Поздравляю казахстанцев с выходом первых томов Библиотеки журнала «АМАНАТ» — литература, искусство, история и философия, образование и религии народов мира.

Любите, берегите и будьте преданы книге.

Нурсултан Назарбаев
Президент Республики Казахстан

14 марта 2001 г.
Астана

Неугасаемые звезды Востока

Персидская классическая литература — одно из прекрасных и неувядающих явлений мировой словесности, занимает свое особое место в золотом фонде мировой литературы.

Родоначальниками этой поэзии иранцы именуют Абу Абдаллах Джафара Рудаки, жившего в IX-X веках, блистательным ее завершением является творчество Абдурахмана Джамии, относящееся к XVI столетию.

С самого начала персидское поэтическое слово обладало большим влиянием и убедительностью, являясь блистательным примером изящной словесности, поражающей «мудростью поэзии и поэзией мудрости».

Лирика персидских поэтов — нерушимая твердыня мировой культуры, бесценное ее сокровище.

Литература многих народов, как Запада, так и Востока получили свое начало у необъятной персидской классической литературы. Достаточно вспомнить великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гете, который создал свой «Западно-Восточный диван», будучи вдохновленным трудами самого прекрасного лирика мировой поэзии Шамседдина Хафиза.

Это поэзия духовных исканий, самоотверженного пути самопознания, страстной любви к Творцу и человеку.

*Один ли познал я тленность? Ученый, что знает мир,
Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян.*

*Взгляни же премудрым оком на мудрый, бегущий мир:
Весь мир, все дела мирские, все смуты его — обман.*

*Достигнуть встречи с тобою мечтала душа моя,
Но смерть на дорогах жизни — грабитель и злой буйан.*

*Всем ведомо: знак, что роком начертан на смертном лбу,
Не смоешь ничем, о смертный, с челом он твоим слиян.*

*Все зданья падут, разрушась, и травы на них возрастут, —
Лишь зданье любви нетленно, на нем не возрастает бурьян.*

(Перевод К. Липскерова)

Влияние школы иранской поэзии также ощутимо и в казахской литературе. Например, классики казахской литературы Абай, Шахкарим, прекрасно знали персидский язык и читали стихи персидских поэтов в оригинале. Безусловно, знакомство с наследием представителей персидской литературы оказало большое влияние в формировании философской мысли, подхода к литературному творчеству великих казахских мыслителей и поэтов.

Издание книги «Семь поэтов Востока», благодаря известному казахскому писателю, президенту Международного клуба Абая господину Роллану Сейсенбаеву окажет содействие молодому поколению казахстанцев в ознакомлении и глубоком изучении богатого духовного наследия Востока. За что мы выражаем ему глубокую признательность.

Надеемся, что книга «Семь поэтов Востока», адресованная всем, кто интересуется культурой и искусством Ирана, будет востребована и актуальна во все времена.

Хасан Сафархани,
Руководитель Культурного представительства
при Посольстве Исламской Республики Иран
в Республике Казахстан

РУДАКИ

РУДАКИ

**Дружба- это дар бесценный
Круг друзей менять не надо
Если ты разгневал друга,
Испросить сумей прощенье!**

КАСЫДЫ

*(Из послания, приложенного
к дарственному кувшину с вином)*

Вино

Сначала мать вина приносим в жертву мы,
Потом само дитя ввергаем в мрак тюрьмы.
Немыслимо дитя у матери отнять,
Покуда не убьешь и не растопчешь мать.
Но мудрость нам велит (ее закон блюди!)
Дитя не отнимать до срока от груди.
Семь месяцев ему питаться молоком
Со дня, как расцвели цветы весны кругом.
Когда же осени обильной минут дни,
Сажай дитя в тюрьму, а мать его казни.
И вот в узилище дитя заключено.
Семь дней, смятенное, безмолвствует оно;
Потом опомнится — припомнит боль обид,
Из глубины души застонет, закипит
И шумно прынет вверх, подняв протяжный вой,
И снова вниз и вверх — о стены головой.
В плавильне золото, когда кипит оно,
Не так свирепствует, как пленное вино.
Но пена наконец, как бешеный верблюд,
Взъярилась, вздыбилась и облила сосуд.
Тюремщик, пену снять! Настал заветный срок.
Исчезли муть и мгла — и светел красный сок.

Кипенья больше нет, — недвижность и покой!
Но укрощенное ты бережно закрой.
Вино очищено, и свет играет в нем,
И каждый род его горит другим огнем.
Как иеменский самоцвет, багров один,
Другому пурпур дал пылающий рубин.
Одни — весенних роз дыхание струят,
Другие — мускуса иль амбры аромат.
Итак — сосуд закрыт. Пусть минет Новый год,
Пускай апрель придет и полпути пройдет, —
Тогда в полночный час раскупори сосуд:
Как солнце яркое, струи вина блеснут.
И трус, его вкусив, внезапно станет смел,
Румяным станет тот, кто бледен был как мел.
Кто осушил его, возвеселится тот,
Свой разум оградив от скорби и забот,
И новой радости изведает прилив,
Десятилетние печали заглушив.
И если выдержан годами пьяный сок
И не дерзнул никто отпить хотя б глоток, —
Пир будет царственный. Укрась цветами стол,
Чтоб он жасминами меж роз и лилий цвел.
Преобрази твой дом в сияющий эдем,
Такое зрелище не видано никем.
Парча и золото, ковры, сплетенья трав,
Обилье многих яств — на всякий вкус и нрав.
Ковры цветные здесь, там чанг, а там барбут.
Там ноги стройные влюбленный взор влекут.
Эмиры — первый ряд, и Балами среди них;
Азаты — ряд второй, среди них — дехкан Салих.
На троне выше всех сидит, возглавив пир,
Сам Хорасана царь, эмиров всех эмир.
И тюрок тысячи вокруг царя стоят,
Как полная луна, сверкает их наряд,
Пурпурный, как вино, румянец на щеках,
И волосы, как хмель, в душистых завитках.
И кравчий за столом красив, приветлив, юн,
Отец его — хакан и мать его — хатун.
Кипучий сок разлит, и царь внезапно встал

И, тюрком поданный, смеясь, берет фиал.
И возглашает царь с улыбкой на устах:
«Тебе во здравье пьем, о Сеистана шах!»

Стихи о старости

Все зубы выпали мои, и понял я впервые,
Что были прежде у меня светильники живые.

То были слитки серебра, и перлы, и кораллы,
То были звезды на заре и капли дождевые.

Все зубы выпали мои. Откуда же злосчастье?
Быть может, мне нанес Сатурн удары роковые?

О нет, не виноват Сатурн. А кто? Тебе отвечу:
То сделал Бог, и таковы законы вековые.

Так мир устроен, чей удел — вращенье и круженье,
Подвижно время, как родник, как струи водяные.

Что ныне снадобьем слышет, то завтра станет ядом,
И что ж? Лекарством этот яд опять сочтут больные.

Ты видишь: время старит все, что нам казалось
новым,

Но время также молодит деяния былые.

Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые.

Ты знаешь ли, моя любовь, чьи кудри, словно мускус,
О том, каким твой пленник был в те годы молодые?

Прошли те дни, когда свежи, упруги были щеки,
Прошли, исчезли эти дни — и кудри смоляные.

Прошли те дни, когда он был желанным, милым
гостем,

Он, видно, слишком дорог был — взамен пришли
другие.

Толпа красавиц на него смотрела с изумленьем,
И самого его влекли их чары колдовские.

Прошли те дни, когда он был беспечен, весел,
счастлив,
Он радости большие знал, печали — небольшие.

Деньгами всюду он сорил, тюрчанке с нежной
грудью

Он в этом городе дарил дирхемы золотые.

Желали насладиться с ним прекрасные рабыни,
Спешили, крадучись, к нему тайком в часы ночные,

Затем, что опасались днем являться на свиданье, —
Хозяева страшили их, темницы городские!

Что было трудным для других, легко мне
доставалось, —

Прелестный лик, и стройный стан, и вина дорогие.

Я сердце превратил свое в сокровищницу песен,
Моя печать, мое тавро — мои стихи простые.

Я сердце превратил свое в ристалище веселья,
Не знал я, что такое грусть, томления пустые.

Я в мягкий шелк преображал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.

Теперь стихи мои живут во всех чертогах царских,
В моих стихах цари живут, дела их боевые.

Мой слух всегда был обращен к великим
словотворцам,

Мой взор красавицы влекли, шалуны озорные.

Забот не знал я о жене, о детях, о семействе,
Я вольно жил, я не слышал про тяготы такие.

О если б, милая, меня ты видела в те годы,
А не теперь, когда я стар и дни пришли плохие,

Тогда звенел я соловьем, слагая песнопенья,
Тогда я гордо обходил пути, края земные.

Тогда я был слугой царям и многим — близким
другом.

Теперь я растерял друзей, вокруг — одни чужие.

Заслушивался Хорасан твореньями поэта,
Их переписывал весь мир, чужие и родные.

Куда бы я ни приходил в жилища благородных,
Я всюду яства находил и кошелы тутие.

Мне сорок тысяч подарил властитель Хорасана,
Пять тысяч дал Эмир Макан¹, — даренья недурные.

У слуг царя, по мелочам, набрал я восемь тысяч,
Счастливей, песни я слагал правдивые, прямые.

Лишь должное воздал эмир² мне щедростью
подобной,

А слуги, следуя царю, раскрыли кладовые.

И тем и этим я владел в блестящий век Саманов,
От них — величье, и добро, и радости мирские.

Но изменились времена, и сам я изменился,
Дай посох: с посохом, с сумой должны брести седые.

Мулийана вдруг повеяла волна,
Мне любимую напомнила она.

По холму сбегают вниз пески Аму,
Так парча ложится под ноги, нежна.

Лишь до стремени доходит, клопоча,
Встрече радуясь, Джейхуна быстрина.

Возликуй, о, Бухара, к тебе эмир
Едет радостно и гонит скакуна!

Царь — луна, а Бухара — небесный свод,
Быстро в небе поднимается луна.

Царь — высокий кипарис, а Бухара —
Сад, в который он вернется, где — весна.

¹ Эмир Макан — вассал Саманидов, правивший в Ташкенте и г.г.

² То есть эмир Хорасана Саманид

ГАЗЕЛИ
(Фрагменты)

Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы
не мог.
Позорно быть гуртоправом тому, кто саном высок.

В иссохшем ручье Эллады не станет искать воды
Тот, кто носителем правды явился в мир, как пророк.

Мой стих— Иосиф Прекрасный, я пленник его
красоты.
Мой стих — соловьиная песня, к нему приковал меня
рок.

Немало вельмож я видел и не в одном распознал
Притворную добродетель и затаенный порок,

Одно таил я желанье: явиться примером для них.
И вот... разочарованье послал в награду мне бог.

О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой,
Хоть раз обрадуй Рудаки, свое лицо ему открой.

Ужель так тягостно тебе открыть лицо, поцеловать
И так легко меня терзать, губить навеки мой покой?

Что для меня легко — тебе великим кажется трудом.
Что тяжело мне, то тебе забавой кажется пустой.

Рудаки провел по струнам и на чанге заиграл,
И едва запел он песню — закипел вином фиал.

Если б ты, мой друг, увидел темно-красную струю,
Ты расплавленным рубином эту влагу бы назвал.

В них одна первооснова, только облик чуть не схож,
Ибо тверд кристалл рубина и текуч вина кристалл.

Ты фиала чуть коснулся, а уже рука красна,
Ты фиал едва пригубил, а смотри, уж пьяным стал.

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрыл ковром цветочным дол и влажной
пылью — небосвод.

Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.

Под вечер заблистал в полях тюльпана пурпур
огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.

Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня
Лейли.

Рыдая, облако пройдет — Меджнун, быть может,
слезы льет.

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод,

Ей стоит косу распустить — и сто сердец блаженство
пьют,

Но двести кровью изойдут, лишь гневный взор она
метнет.

Покуда розу от шипа глупец не в силах отличить,
Пока безумец, точно мед, дурман болезнетворный
пьет.

Пусть будут розами шипы для всех поклонников
твоих,

И, как дурман, твои враги пусть отвергают сладкий
мед...

Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан,
Как твой благоуханный локон, изогнут мой согбенный
стан.

Доколе мне ходить согбенным, в разлуке мне стареть
доколе?

Как дни влачить в разлуке с другом, как жить под
небом чуждых стран?

Не оттого ли плачут кровью мои глаза в ночи
бессонной?

Не оттого ли кровь струится потоком из сердечных ран?

Но вот заволновалась тучка, как бы Лейли, узрев
Меджнуна,

Как бы Узра перед Вамиком, расцвел пылающий
тюльпан.

И солончак благоухает, овейн севера дыханьем,
И камень источает воду, весенним ароматом пьян.

Венками из прозрачных перлов украсил ветви дождь
весенний,
Дыханье благовонной амбры восходит от лесных
полян,

И кажется, гранит покрылся зеленоблещущей лазурью,
И в небесах алмазной нитью проходит тучек караван...

О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
Все три носил Иосиф, прославленный красотой.

Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую,
От благоухания третьей прозрел Иаков слепой.

Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце,
О, если бы третью найти мне начертано было судьбой!

Будь **весел** и люби красавицу свою:
Подобен **этот** мир бегущему ручью.

О прошлом позабудь, грядущим **утешайся**,
Живи и радуйся живому бытию.

Я с луноликою в саду благоуханном,
Я с чернокудрою — как с гурией **в** раю.

Несчастен, кто берет, но не дает взаимно,
Я счастлив оттого, что брал, но и даю.

Подобен облаку и ветру мир неверный...
Так будь что будет! Пей кипящую струю!

Только раз бывает праздник, раз в году его черед, —
Взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник
в сердце льет,

Раз в году блистают розы, расцветают раз в году,
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет.

Только раз в году срываю я фиалки в цветнике,
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет,

Только раз в году нарциссы украшают грудь земли,
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год.

Эти черные нарциссы, чуть проснулись —
вновь цветут,
А простой нарцисс, увянув, новой жизнью не блеснет.

Кипарис — красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он — горбун, кривой урод.

Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии —
в других,
Ты — цветник, в котором блещут все цветы
земных широт.

Ярче розы твой румянец, шея — лилии белей,
Зубы — жемчуг многоценный, два рубина —
алый рот.

Вот из жилы меднорудной вдруг расцвел
тюльпан багряный,
На багрянце тоном смуглым медный проступил налет.

Вьется кругом безупречным мускус локонов твоих.
В центре — киноварью губы, точно ярко-красный
плод,

Ты в движенье — перепелка, ты в покое — кипарис,

Ты — луна, что затмевает всех красавиц хоровод.

Ты — луна в кольчуге страсти и с колчаном нежных
стрел,

Перепелка — с кубком хмельным, кипарис, что песнь
поет.

Не цепями приковала ты влюбленные сердца —
Каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед...

Я потерял покой и сон — душа разлукою больна,
Так не страдал еще никто во все века и времена.

Но вот свиданья час пришел, и вмиг развеялась
печаль, —

Тому, кто встречи долго ждал, стократно сладостна она.

Исполнен радости, я шел давно знакомою тропой,
И был свободен мой язык, моя душа была ясна.

Как с обнаженной грудью раб, я шел знакомою
тропой,

И вот навстречу мне она, как кипарис, тонка, стройна.

И мне, ласкаясь, говорит: «Ты истомился без меня?»

И мне, смущаясь, говорит: «Твоя душа любви верна?»

И я в ответ: «О ты, чей лик затмил бы гурий красотой!

О ты, кто розам красоты на посрамленье рождена!

Мой целый мир — в одном кольце твоих агатовых
кудрей,

В човганы локонов твоих вся жизнь моя заключена».

Я сна лишился от тоски по завиткам душистых кос,

И от тоски по блеску глаз лишился я навеки сна.